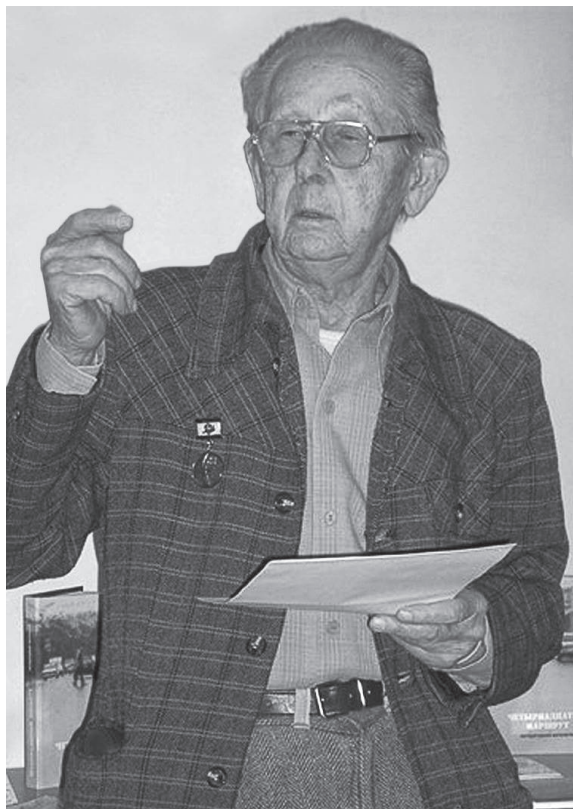

Великой Победе
посвящается

Пётр ФИЛЮТОВИЧ
Хочу в поэты!

*Рождено
в окопах*

Волгоград
2017

ББК

Ф

Филютович, Пётр.

Ф Хочу в поэты [Текст]: стихи / Пётр Филютович. — Волгоград: Издатель, 2017. — 144 с.

В сборник стихов включены стихи как самого автора, так и его друзей и однополчан.

Книга предназначена самому широкому кругу читателей.

ББК

© ГБУК «Издатель», 2017

© Филютович П., 2017

Предисловие

В сборник вошли «окопные» стихи, рожденные в ходе боевых действий и опубликованные во фронтовых газетах, а также написанные сразу после войны. Есть и лирика.

Кто-то заявит: это не стихи, а рифмованная проза, они несовершенные, корявые, наивные, «сильно малохудожественные», порой по-солдатски грубоватые. Да, это так. Однако не будем забывать, в какой обстановке они писались, на чем. Порой не было клочка бумаги на самокрутку, а уж о карандаше не могло быть и речи. И потом это были первые опыты, «проба пера».

Зато стихи простые, понятные и искренние как исповедь. Проникнуты беззаветной любовью к Родине, огромной по размерам и великой по духу. Проникнуты непоколебимой уверенностью в ее победе над врагом, в ее историческую миссию: быть нравственной опорой мира

и народов, основой добра и справедливости. Знакомясь со стихами, читатель окупается в ту эпоху, почувствует ее настрой, запах и вкус. Пожилой вспомнит, а молодой узнает, как и чем жили наши люди, что их волновало, огорчало и радовало. Автор в свой сборник включил стихи своих друзей и однополчан.

О ТЕХ ДНЯХ

*Стихи,
опубликованные
во фронтовых
газетах*

ГИМН

Исповедь штурмана бомбардировщика «Петляков»

С бомбежки Берлина, из вражьего тыла
хромал «Петляков» наш на базу один.
Все тело его изрешечено было,
моторы чихали: кончался бензин.

О, если могли бы энергией крови
моторы питаться, то каждый тогда,
чтоб баки наполнились с пробками вровень,
свою без раздумья до капли б отдал.

Приборы и рация вышли из строя.
Под нами — чужая, враждебная твердь.
Вслепую летели мы, русские, трое.
Четвертая — темень, а пятая — смерть.

Костлявая хищно глядела нам в лица
с разбитой снарядом приборной доски.
Три пары зрачков совещались: «Садиться?!
Живыми? Не выйдет! Уж лучше — в куски».

Прощались мы молча (нельзя и обняться),
готовы в бессмертье уйти навсегда.

Но в этот момент заработала рация,
дыханием Родины теплым обдав.

Три пары наушников в шлемах холодных
запели, сдувая наплывшую грусть:
«Союз нерушимый республик свободных
сплотила навеки великая Русь».

И так подхватили мелодию ту мы,
что даже казалось — дрожал плексиглас.
Маяк подпевал нам, как лоцман разумный,
ведя нас одною из тысячи трасс...

Той ночью осеннею, дважды погибнув,
мы в русской землянке храпели захлеб...
Друзья! Потому вот советскому гимну
спасеньем своим я обязан по гроб.

1947, Вильнюс

БРАТУ

К нам на батарею голубь синий
прилетел сегодня в ранний час.
Сел на ветку, отряхивая иней,
и поздравил воркованьем нас.
Он напомнил дом над волжским плесом,
огоньки рябины во дворе,
мать с отцом, любимого барбоса,
встречу нашу в трудном ноябре.
...Утро... За спиной пылавший город.
И над ним за дымной пеленой, —
минами, снарядами пропорот, —
сгусток колыхался кровяной.
От тебя в случайной встрече этой
я совсем немного узнал:
небо прочертили три ракеты —
к наступленью поданный сигнал...
А теперь, я знаю, далеко ты,
но я слышу явственно совсем:
канонаде наших минометов
грозно вторит ваша АБМ*.
Кровью мы добыли право мести
и шагаем всяк своим путем.
Но верны возмездию, мы вместе
к логову звериному придем.
В вечер, раззолоченный луною,
отгремит когда последний бой,
пьяны долгожданной тишиною,
мы в Берлине встретимся с тобой.

1944, Восточная Пруссия

* АБМ — артиллерия большой мощности.

СНАРЯДОМ, ПУЛЕЙ, И ГРАНАТОЙ, И СЛОВОМ РУССКОГО СОЛДАТА — ОГОНЬ ПО НЕМЦАМ-СУПОСТАТАМ!

ЭРЗАЦ

«Все эрзац!» — фашистов лозунг.
Ну и что же видим мы?
Хлеб — эрзац, эрзацы чувства,
мир эрзац, эрзац умы.
Нашей славною разведкой
немец пойман был такой:
он был грязен и ужасен
и всего с одной рукой.
Он сказал: «Мне плохо дратц,
потому... и бин эрзац».

АРИЙЦЫ ВСТРЕТИЛИСЬ

Ганс писал сестрице Алле:
«Англичане баню дали.
Чую я: что быть здесь горю —
жмут французы крепко к морю.
Мы бежали без оглядки.
Жали — ух! — во все лопатки.
Наш ефрейтор Отто Крапп
перегнал штабной пикап.
Драпанули, кто как мог...
Вот он, наш желанный Бонн!»
Там же был переполох...
Отто сдался, Ганс пленен.

1943, май

МОЙ ТОВАРИЦ ПУЛЕМЕТ

На тебе заплаток восемь,
у меня раненье есть.
Но как прежде немцев косим —
трупов вражеских не счесть.
Совесьть к мести призывала —
в бой рвались мы вновь
и вновь.

У тебя вода вскипала,
у меня бурлила кровь.

Не пуская пули мимо,
сотни верст в огне прошли мы
под осколочным дождем.
Мы — солдаты Сталинграда.
Сокрушая все преграды,
мы в Берлин с тобой войдем.

Груды тел фашистов мертвых
там, где я с тобой прошел.
Торопливый разговор твой
знают немцы хорошо.
Не однажды после боя
утомлен своим трудом,
я, обнявшись, друг, с тобою,
засыпал мертвецким сном.

Не пуская пули мимо,
сотни верст в огне прошли мы
под осколочным дождем.
Мы — солдаты Сталинграда.
Сокрушая все преграды,
мы в Берлин с тобой войдем.

ОН С НАМИ*

Он выпал,
 как будто из цепи звено,
но цепь не ослабла нимало.
Ему как награда бессмертье дано,
он с нами всегда,
 как бывало.
Бессмертьем — броней одетый,
 он жив
в стремлении нашем орлином.
Его автомат не в музее лежит,
а путь пробивает к Берлину.
Пред мощным ударом,
 как клич и призыв,
его незабвенное имя
солдат, озаренный сияньем грозы,
прошепчет губами сухими.
Как пламя,
 нам путь освещая собой,
пылает победное знамя.
В железном строю
 на решительный бой
незримо шагает он с нами.

1944

* Автомат павшего Героя Константина Талаха передан лучшему воину полка.

СЛАВА

*Василию Дмитриченко — герою боев
за Советскую Прибалтику*

— Рубеж захватил, — сообщает комбат,
слова, как монеты, чеканя...

А враг, огрызаясь, как пойманный гад,
становится злей и нахальней...

На роту направилась фрицев орда,
но, твердо уверенный в силе,
преградою встал на пути им тогда
солдат Дмитриченко Василий.

Он их подпускал до своей огневой
и тут же подкашивал так их,
что с выстрелом каждым врагов на него
все меньше вставало в атаку.

Напоенный смертью кусочек свинца
ужалил у левого уха.
Две капли пурпурных скользнули с лица —
сознание внезапно потухло.

Очнулся Василий и видит, что кровь
из раны на землю струится.
Припав к неостывшей винтовке, он вновь
разил отступающих фрицев.

Врагам заградил, как броней, он путь
и подвиг свершил величавый.
Недаром его богатырская грудь
украсилась орденом Славы.

1944

ДОНБАССУ

Родной Донбасс!
Тебя еще вчера мы
отбили у кровавых палачей.
Ты снова будешь
выситься копрами
в победном зареве
украинских ночей.
Ты весь в развалинах,
познавший горе,
хоть и разбит, сожжен,
зато ты НАШ!
И знаем мы — справишься,
и вскоре
ты на алтарь победы все отдашь.

1944

ТРЕПЕЩИ!

Мы, русские, были в Берлине,
мы помним сраженный Берлин.
От прежних времен и поныне
ключи от Берлина храним.
С тех пор у арийцев кровавых
пред русскими страх не прошел,
и помнят, как с корпусом бравым
там был генерал Чернышев...
Берлин, трепещи! Вновь идем мы!
От горя суровых годин
клокочет наш гнев неумный.
Мы явимся,
 долг свой огромный
сторицей тебе воздадим!

1944, октябрь

НАШ РОТНЫЙ

«Я... как все». —

Он вставит эту фразу,
если про него заговорят.

На груди ж, как яркие алмазы,
у него два ордена горят.

«Помните:

живет — неустрашимый,
трус же погибает сотню раз».

Этой поговоркою любимой,
в бой идя, напутствует он нас.

Выпадет минута после боя,
ротный к нам подсядет, и у нас —
тихая беседа меж собою
о родных, любимых,

про Донбасс.

Ротный наш заботливый и тихий,
но в бою дерется лихо —

вот за это нами он любим.

С ним сквозь смерть и непогоду
мы пройдем огонь и воду

и в последней схватке победим.

1944

ВЗГЛЯД ВОЖДЯ

Танк вздрогнул, споткнулся
от выстрела в бок,
затихло мотора дыханье.
Пристыли к броне
командир и стрелок,
и ранен смертельно механик.
С усилием свои разомкнул он глаза
и взор задержал на портрете,
который любовно приклеил он сам
еще в роковом сорок третьем.
И всем существом
он почувствовал вдруг —
спокойным и ласковым взглядом
глядит на него полководец
и друг,
как будто находится рядом.
И новая свежая сила
влилась
механику в слабое тело.
Рука за рычаг
по привычке взялась —
машина опять полетела.
А он рычаги все сильнее
сжимал,
и танк, сокрушая преграды,
как лев разъяренный,
на немцев бежал,
давя и уродуя гадов.

1944